

Розанов Василий Васильевич

**Легенда о великом инквизиторе
Ф. М. Достоевского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич Р.**
Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / Розанов Василий Васильевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 239 с.

ISBN 978-5-519-81001-2

ISBN 978-5-519-81001-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Читатель да не посѣтуетъ, что главный трудъ, здѣсь предлагаемый и который онъ могъ бы, судя по заглавію книги, ожидать одинъ встрѣтить въ ней,—сопровождается двумя небольшими критическими этюдами о Гоголѣ. Они вызваны были многочисленными возраженіями, какія встрѣтилъ въ нашей литературѣ взглядъ на этого писателя, мною побочно выраженный въ «Легендѣ объ Инквизиторѣ». Съ этими возраженіями я согласиться не могъ, и два небольшихъ очерка, написанные мною въ объясненіе своего взгляда, помогутъ и читателю стать въ этомъ спорномъ вопросѣ на ту или другую сторону.

Главный же очеркъ, комментарій къ знаменитой «Легендѣ» Достоевскаго, сопровождается впервые здѣсь приложеніями, которыя, какъ ключъ, введутъ читателя въ кругъ господствующихъ идей нашего покойнаго писателя и дадутъ также возможность отнестись критически къ моимъ объясненіямъ его творчества.

СПБ.

10 Авг. 1894 г.

„Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“ Ф. М. Достоевскаго. . . .	1
Нѣсколько словъ о Гоголѣ	176
Какъ произошелъ типъ Акакія Акакіевича (къ вопросу о характерѣ Гоголевскаго творчества).	188

Приложенія:

I. Идея неустроимости природы человѣческой рационально .	203
II. Идея пониженія психическаго уровня человѣка ;	219
III. Идея Римскаго католицизма, какъ противоположенія Хри- стіанству.	223
IV. Оправданіе самоубійства и идея безсмертія души человѣ- ческой изъ него вытекающей	228

„Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“, Ф. М. Достоевскаго.

И рече Богъ: се Адамъ бысть
яко единъ отъ Насъ, еже разу-
мѣти доброе и лукавое. И нынѣ
да не когда простретъ руку свою,
и возметъ отъ древа жизни, и
снѣсть, и живъ будетъ во вѣкъ.
И изгна его Господь Богъ изъ
Рая сладости, дѣлати землю, отъ
неяже взять бысть.

Бытіе, IV.

Въ одной фантастической повѣсти Гоголь рассказываетъ, какъ старый ростовщикъ, умирая, призывалъ къ себѣ художника и неотступно просилъ его срисовать съ себя портретъ; когда работа уже началась, художникъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ тому, что дѣлалъ, и къ этому отвращенію примѣшался еще какой-то страхъ. Ростовщикъ, однако, все слѣдилъ за работой, какая-то тоска и беспокойство свѣтились въ его лицѣ, но когда онъ увидѣлъ, что по крайней мѣрѣ глаза окончены, въ этомъ лицѣ сверкнула радость. Художникъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы посмотреть на свою работу; но едва онъ взглянулъ на нее, какъ колѣна его задрожали: въ глазахъ начатаго портрета свѣтилась жизнь, настоящая жизнь, та самая, которая уже потухала въ его оригиналѣ и какимъ-то тайнымъ волшебствомъ перенеслась въ эту копію. Палитра и кисть выпали изъ его рукъ, и онъ съ ужасомъ выбѣжалъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ ростовщикъ умеръ. Художникъ окончилъ жизнь въ монастырѣ.

Этотъ разсказъ, почему-то, невольно припомнился намъ, когда мы задумали говорить о знаменитой легендѣ Достоевскаго. Сквозь всю фантастичность, въ немъ какъ будто мелькаетъ и какая-то правда, и вѣрно она-то вывела его на свѣтъ сознанія изъ ряда другихъ полузабытыхъ разсказовъ и связала мысль о немъ съ занимающимъ насъ предметомъ. Не выразилъ-ли въ немъ Гоголь нѣкоторой тайны художественной души, быть можетъ сознавъ ее въ себѣ самомъ? Эта жизнь, перешедшая въ созданіе, это тоскливое желаніе не умереть прежде, чѣмъ совершился такой переходъ, все это какъ будто напоминаетъ намъ что-то главное въ жизни самихъ художниковъ, поэтовъ, композиторовъ. Только воплощаемое и воплощающій здѣсь раздѣлены, и этимъ замаскирована скрытая аллегорія. Соедините ихъ и вы получите изображеніе судьбы и личности всякаго великаго творческаго дарованія.

Тамъ, «откуда не возвращался никто», есть, конечно, жизнь; но намъ ничего не разсказано о ней и, по всему вѣроятію, это жизнь какая-то совсѣмъ особенная, слишкомъ абстрактная для нашихъ живыхъ желаній, слишкомъ холодная и призрачная. Вотъ почему человѣкъ такъ и не можетъ къ землѣ, такъ боязливо не хочетъ отдѣлиться отъ неба, и такъ какъ это ранѣе или позже все-таки неизбѣжно, то онъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы разставаніе съ нею было не полное. Счастье безсмертія, земного безсмертія, есть самое удивительное и совершенно несомнѣнное чувство въ человѣкѣ. Не оттого-ли мы такъ любимъ дѣтей, трепещимъ за жизнь ихъ болѣе, нежели за свою, уже увядающую, и когда имѣемъ радость дожить и до ихъ дѣтей, привязываемся къ нимъ еще сильнѣе, чѣмъ къ собственнымъ. Даже въ минуты совершеннаго сомнѣнія относительно загробнаго существованія, мы находимъ здѣсь нѣкоторое утѣшеніе: «пусть мы умремъ, но останутся дѣти наши, а послѣ нихъ—ихъ дѣти»¹⁾, говоримъ мы въ своемъ сердцѣ, прижимаясь къ дорогой намъ землѣ. Но *это* безсмертіе, это

¹⁾ „Подростокъ“, Ф. М. Достоевскаго. Изд. 3-е. Спб. 1882, стр. 454.

жизнь нашей крови послѣ того, какъ мы станемъ горстью праха, слишкомъ не полна: это какое-то разорванное существованіе, распределенное въ безчисленныхъ поколѣніяхъ, и въ немъ не сохраняется главнаго, что мы въ себѣ любимъ—нашей индивидуальности, цѣльной личности. Несравненно полнѣе существованіе, которое достигается въ великихъ произведеніяхъ духа; въ нихъ создающій увѣковѣчиваетъ свою личность со всѣми особыми ея чертами, со всѣми изгибами своего ума и тайнами своей совѣсти. Порою онъ не хочетъ раскрыть какой-нибудь стороны своей души, и, однако, жажда въ немъ безсмертія, индивидуальной, особой отъ другихъ жизни, такъ велика, что онъ скрываетъ, запрячиваетъ среди прочаго и все-таки оставляетъ въ своихъ произведеніяхъ отраженіе этой стороны: проходятъ вѣка—и нужная черта вскрывается и встаетъ полный образъ того, кто уже не боится болѣе смутиться передъ людьми. «Строй выше себѣ пирамиду, бѣдный человѣкъ», говоритъ какъ будто молный этихъ ощущеній Гоголь 1).

Во всякомъ случаѣ, чувство радости, которое испытывается при этомъ созиданіи, служить хоть какимъ-нибудь просвѣтомъ среди того сумрака, который обычно окружаетъ душу великихъ поэтовъ, художниковъ, композиторовъ. Такъ глубоко и часто непреодолимо разъединенные съ живымъ, окружающимъ ихъ міромъ людей, ихъ радостей и печалей, они чувствуютъ себя соединенными черезъ вѣка съ иными поколѣніями людей, мысленно живутъ въ ихъ жизни, помогаютъ имъ въ трудѣ ихъ и радуются ихъ радостямъ. Странная, нѣсколько фантастическая жизнь, черты которой, однако, мы наблюдаемъ, вчитываясь во всѣ замѣчательныя біографіи. Не даромъ покойный проф. Усовъ, натуралистъ, но и вмѣстѣ знатокъ искусства, называлъ міръ его—«міромъ иллюзіи» 2).

1) „Арабески“, ч. 2. Жизнь.

2) См. „Воспоминанія о возрѣніяхъ С. А. Усова на искусство“, П. Иванцова, въ кн. III „Вопросовъ философіи и психологіи“. М. 1890.

Замѣчательно, что у каждаго почти творца въ сферѣ искусства мы находимъ одинъ центръ, изрѣдка нѣсколько, но всегда не много, около которыхъ группируются всѣ его созданія: эти послѣднія представляютъ собою какъ бы попытки высказать какую-то мучительную мысль, и когда она высказывается, наконецъ,—появляется созданіе, согрѣтое высшею любовью творца своего и облитое немеркнущимъ свѣтомъ для другихъ, сердце и мысль которыхъ влекутся къ нему съ неудержимою силой. Таковъ былъ у Гёте «Фаустъ», девятая симфонія у Бетховена, Сикстинская Мадонна у Рафаэля. Это высшіе продукты психической дѣятельности, ихъ любить человечество и знаетъ, какъ то, къ чему способно оно въ лучшія свои минуты, которыя, конечно, рѣдки во всемірной исторіи, какъ рѣдки и минуты особеннаго просвѣтлѣнія въ жизни каждаго человѣка.

На одномъ изъ подобныхъ созданій мы и хотимъ остановиться: оно, впрочемъ, проникнуто особою мучительностью, какъ и все творчество избраннаго нами писателя, какъ и самая его личность. Это—«Легенда о Великомъ Инквизиторѣ» покойнаго Достоевскаго. Какъ извѣстно, она составляетъ только эпизодъ въ послѣднемъ произведеніи его, «Братья Карамазовы», но связь ея съ фабулою этого романа такъ слаба, что ее можно разсматривать какъ отдѣльное произведеніе. Но зато вмѣсто внѣшней связи между романомъ и «Легендою» есть связь внутренняя: именно, «Легенда» составляетъ какъ бы душу всего произведенія, которое только группируется около нея, какъ варіаціи около своей темы; въ ней схоронена заветная мысль писателя, безъ которой не былъ бы написанъ не только этотъ романъ, но и многія другія произведенія его: по крайней мѣрѣ не было бы въ нихъ всѣхъ самыхъ лучшихъ и высокихъ мѣстъ.

I.

Еще въ 1870 г.; въ письмѣ къ Ап. Н. Майкову отъ 25 марта, Достоевскій писалъ, между прочимъ, о замыслѣ большаго романа, который онъ обдумывалъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ и теперь хотѣлъ бы написать, пользуясь свободнымъ временемъ. «Идея» (этого романа), говорилъ онъ въ письмѣ, «та самая, о которой я вамъ уже писалъ ¹⁾». Это будетъ мой *послѣдній романъ. Объемомъ въ Войну и Миръ, и идею вы бы похвалили*,—сколько я, по крайней мѣрѣ, соображаюсь съ нашими прежними разговорами съ вами. Этотъ романъ будетъ состоять изъ пяти большихъ повѣстей (листовъ 15 въ каждой; въ 2 года *планъ у меня весь созрѣлъ*). Повѣсти совершенно отдѣлены одна отъ другой, такъ что ихъ можно даже пускать въ продажу отдѣльно. Первую повѣсть я и назначаю Кашпиреву ²⁾: тутъ дѣйствіе еще въ сороковыхъ годахъ. (Общее названіе романа есть: «*Жизніе великаго грѣшника*», но каждая повѣсть будетъ носить названіе отдѣльно). *Главный вопросъ, который проведется во всѣхъ частяхъ — тотъ самый, который я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь — существованіе Божіе. Герой въ продолженіе жизни — то атеистъ, то вѣрующій, то фанатикъ и сектаторъ, то опять атеистъ. Вторая повѣсть будетъ происходить вся въ монастырѣ. На эту вторую повѣсть я возложилъ всѣ мои надежды. Можетъ быть, скажутъ, наконецъ, что не все писалъ пустяки. (Вамъ одному исповѣдуюсь, Аполлонъ Николаевичъ: хочу выставитъ во 2-ой повѣсти главною фигурой Тихона Задонскаго, конечно, подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей будетъ проживать въ монастырѣ на покой). 13-лѣтній мальчикъ, участвовавшій въ совершеніи уголовного преступленія, развитый и развращенный (я этотъ типъ знаю), будущій герой всего*

¹⁾ Въ предыдущихъ письмахъ, какія напечатаны, объ этой идее нигдѣ, однако, не упоминается.

²⁾ Редакторъ журнала „Заря“, приглашавшій Достоевскаго написать къ осеннимъ мѣсяцамъ этого года какую-нибудь повѣсть.

романа, посаженъ въ монастырь родителями (кругъ нашъ, образованный), и для обученія. *Волченокъ и нинимистъ-ребенокъ сходится съ Тихономъ* (вы, вѣдь, знаете характеръ и все лицо Тихона). *Тутъ же, въ монастырь, посажу Чаадаева* (конечно, подъ другимъ тоже именемъ). Почему Чаадаеву не посидѣть года въ монастырѣ? Предположите, что Чаадаевъ послѣ первой статьи, за которую его свидѣтельствовали доктора каждую недѣлю, не утерпѣлъ и напечаталъ, напр., за-границей, на французскомъ языкѣ, брошюру, — очень и могло бы быть, что за это его на годъ отправили бы посидѣть въ монастырь. *Къ Чаадаеву могутъ прѣхать гости и другіе*, Бѣлинскій, напр., Грановскій, Пушкинъ даже. (Вѣдь, у меня же не Чаадаевъ, я только въ романъ беру этотъ типъ). *Въ монастырь есть и Павелъ Прусскій, есть и Голубовъ, и инокъ Парвений* (въ этомъ мірѣ я знатокъ и монастырь русскій знаю съ дѣтства). Но главное—*Тихонъ и мальчикъ*. Ради Бога, не передавайте никому содержанія этой второй части... Я вамъ исповѣдуюсь. Для другихъ пусть это гроша не стоитъ, но для меня—сокровище. Не говорите же про Тихона. Я написалъ о монастырѣ Страхову, но про Тихона не писалъ. Авось, выведу величавую, *положительную* (курсивъ Достоевскаго), святую фигуру. Это ужъ не Констанджогло-съ и не пѣмецъ въ Обломовѣ ¹⁾; и не Лопуховы, не Рахметовы ²⁾. Правда, я ничего не создамъ, а только выставлю дѣйствительнаго Тихона, котораго я принималъ въ свое сердце давно съ восторгомъ. Но я сочту, если удастся, и это для себя важнымъ подвигомъ. Не сообщайте же никому. Но для второго романа, для монастыря, я долженъ быть въ Россіи» ³⁾.

Кто не узнаетъ въ торопливыхъ и разбросанныхъ строкахъ

¹⁾ „Почемъ мы знаемъ: можетъ быть именно Тихонъ-то и составлялъ нашъ русскій *положительный* типъ, который ищетъ наша литература, а не Лаврецкій, не Чичиковъ, не Рахметовъ и проч.“. Примѣч. Достоевскаго.

²⁾ Два послѣдніе—герои романа „Что дѣлать“?

³⁾ См. „Биографія и Письма“. Спб. 1883, отд. 2-й, стр. 233—234.

этого письма первый очеркъ «Братьевъ Карамазовыхъ», съ его старцемъ Зосимою и съ чистымъ образомъ Алеши (очевидно, раздѣленная фигура Тихона Задонскаго), съ развитымъ и развращеннымъ, правда, уже не мальчикомъ, но молодымъ человѣкомъ Иваномъ Карамазовымъ, съ поѣздкою въ монастырь (помѣщикъ Міусовъ — очевидно, передѣланная фигура Чаадаева) и сценами монастырской жизни, и пр. Но всегдашняя нужда разстроила предположенія Достоевскаго: связываемый срочными обязательствами, въ которыя онъ входилъ съ редакціями и книгопродавцами, онъ принужденъ былъ усиленно работать, и хотя изъ написаннаго имъ за это время было много прекраснаго, однако, все это не было осуществленіемъ его душевной мечты и уже созрѣвшаго плана. Очевидно, онъ все дожидался досуга, который далъ бы возможность обрабатывать неторопливо. Кромѣ денежной нужды, этому чрезвычайно препятствовала и его впечатлительность: онъ не могъ, хотя на время, закрыть глаза на текущія дѣла, тревоги и вопросы нашей жизни и литературы. Съ 1876 г. онъ началъ выпускать «Дневникъ Писателя», создавъ имъ новую, своеобразную и прекрасную форму литературной дѣятельности, которой въ будущемъ, во всѣ тревожныя эпохи, вѣроятно еще суждено будетъ играть великую роль. Чрезвычайный успѣхъ этого изданія, можно было опасаться, совершенно не дастъ ему возможности сосредоточиться на какой-нибудь цѣльной работѣ, и, какъ многіе планы, замыселъ большого романа, уже обдуманнаго нѣсколько лѣтъ назадъ, мало-по-малу заглохнутъ, самый энтузіазмъ къ нему разсѣется.

Но судьба, такъ часто злая извнѣ къ великимъ людямъ, всегда бережно обходится съ тѣмъ, что есть въ нихъ внутренняго, глубокаго и душевнаго. Мысль, которой предстоитъ жизнь, не умираетъ съ носителями своими, даже когда смерть застигаетъ ихъ неожиданно или случайно. Хотя бы передъ самымъ наступленіемъ ея, повинувшись, какому-то безотчетному и неудержимому влеченію, они отрываются отъ всего и дѣлаютъ то, что нужно—самое главное въ своей жизни.

Безпорядочный, страстный, передъ тысячами ожидающихъ глазъ ¹⁾, Достоевскій вдругъ умолкаетъ и замыкается въ себя, чтобы «заняться одною художественною работою» ²⁾; онъ успокоиваетъ читателей «Дневника», что это не болѣе, какъ на одинъ годъ, ему необходимый для работы, послѣ чего онъ вновь возвратится къ ежемѣсячной бесѣдѣ съ ними. Но предчувствію, выраженному семь лѣтъ назадъ ³⁾, суждено было сбыться: предпринимаемая художническая работа стала дѣйствительно его «послѣднимъ романомъ», и даже послѣднимъ, неоконченнымъ литературнымъ трудомъ. Въ 1880 и 1881 годахъ было выпущено только по одному номеру «Дневника» — въ минуту особеннаго оживленія ⁴⁾ и въ промежутокъ отдыха между первымъ большимъ отдѣломъ романа и его вторымъ отдѣломъ, который долженъ былъ представлять собою почти самостоятельное цѣлое. Въ этотъ краткій промежутокъ отдыха ему суждено было окончить свои дни. Послѣдніе томы романа, «обширнаго какъ *Война и Миръ*», не были написаны. Четырнадцать книгъ, составляющія четыре части (съ эпилогомъ) «Братьевъ Карамазовыхъ», представляютъ собою выполненіе, уже доведенное до конца, перваго отдѣла обширной художественной эпопеи. Вотъ что пишетъ онъ объ общемъ планѣ ея въ предисловіи къ «Братьямъ Карамазовымъ»: «Хотя жизнеописаніе (героя, которое служить содержаніемъ) у меня одно, но романовъ два. Главный романъ — второй: это дѣятельность моего героя уже въ наше время, или въ нашъ теперешній текущій моментъ. Первый же романъ произошелъ еще тринадцать лѣтъ назадъ — есть почти даже и не романъ, а лишь одинъ моментъ изъ первой юности моего героя. Обойтись мнѣ

¹⁾ Объ успѣхѣ «Дневника Писателя» см. цифровыя данныя въ его «Біографіи и Письмахъ», отд. I, стр. 300.

²⁾ См. «Дневникъ Писателя» за 1877 г., декабрь: «Къ читателямъ».

³⁾ См. выше въ письмѣ къ Ап. Н. Майкову.

⁴⁾ По поводу Пушкинскаго праздника единственный № за 1880 г. съ «Рѣчью о Пушкинѣ» и объясненіями къ ней.